

Павлюченко Марина Борисовна

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный
медицинский университет им. И.И. Мечникова»

г. Санкт-Петербург

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ЛАТИНСКИХ ТЕРМИНОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Аннотация: в статье представлены интересные примеры полисемии некоторых латинских терминов, разница значений которых удивляет на первый взгляд, но при более глубоком анализе оказывается взаимосвязанной по смыслу и происхождению. Помимо репрезентации семантического поля терминов в исследовании отмечается важность семантического анализа лексики для студентов-медиков, изучающих латинский язык, для воспитания и формирования у них широких мировоззренческих смыслов. Изучение семантики латинских терминов формирует у учащихся массив общенаучных и профессиональных знаний, творческий потенциал, личные ценностные ориентации и нравственные идеалы, стремление к самосовершенствованию, критическое мышление, дисциплинированность, интерес к языку и слову, умение грамотно говорить и правильно применять термины. Всё перечисленное – важнейшие элементы для воспитания гуманитарной культуры будущих медицинских специалистов, чей морально-этический уровень невозможно переоценить ни в профессиональном, ни в общечеловеческом отношении.

Ключевые слова: латинский язык, семантика, полисемия, гуманитарная культура.

При изучении латинского языка в медицинском вузе семантический анализ терминов занимает особое место.

Понятие «семантика» восходит к древнегреческому слову σμαντικός – «обозначающий», которое в свою очередь ведёт своё начало от σῆμα – «знак».

Семантика занимается изучением смысловых значений единиц языка. Явление полисемии, выражающейся в многозначности какого-либо термина, наиболее ярко проявляется в медицинской терминологии. Сразу стоит отметить, что речь в исследовании пойдёт не об омонимах, где совпадение слов случайно, а о полисемии, где одно слово имеет несколько исторически связанных значений. Значения одного и того же термина могут настолько отличаться, что только глубокий семантический анализ поможет восстановить логическую и смысловую связь между ними, да и то не всегда. Полисемия – явление достаточно часто встречающееся в латинском языке, что, на мой взгляд, объясняется его метафоричностью. Поскольку римляне в определённый момент, начиная от пантеона и заканчивая литературой, стали активно внедрять в свою культуру греческие идеалы, то это не могло не отразиться на языке. Древнегреческий язык всегда отличался особой образностью, позволявшей наполнить речь или текст особым смыслом. Римляне, помимо греческих слов, заимствовали у греков и эту особенность языка.

Формирование анатомической терминологии практически полностью основано на метафорах. Названия органов и анатомических образований включают в себя множество антропоморфных, зооморфных, фитоморфных, ихтиоморфных, орнитоморфных, а также военных, бытовых, архитектурных, геометрических, музыкальных и мифологических ассоциаций. Клиническая и фармацевтическая лексика зачастую метафорически отражает медицинское значение многозначного термина. Полисемантность некоторых терминов была сформирована уже в период Античности; ряд других терминов обрёл свою многозначность в более поздние времена.

В исследовании речь пойдёт о лексике, полисемия которой нашла своё отражение в Античности и в произведениях античных авторов, однако, для смысловой связи разных значений этих лексем необходим специальный анализ, поскольку связь не является, на первый взгляд, очевидной.

Подбирая медицинские зооморфные метафоры с латинским словом *lupus* – «волк» [2, с. 461], невозможно не наткнуться на форму женского рода *lupa*, ае

f – «волчица, самка волка». К слову, «волчьи» метафоры в языке медицины весьма интересны. Так, клинический термин «lupus», полностью совпадающий с латинским словом «волк», имеет значение «волчанка». Волчанка – неизлечимое аутоиммунное заболевание, поражающее органы и системы, при котором в ряде случаев на лице появляется характерная сыпь. Название патологии не античное, а средневековое; происходит от Салернской школы – в XIII веке болезнь была названа «lupus» из-за сходства разнородных язвенных и деструктивных процессов на лице с укусами волка [10, с. 247]. Также врождённая аномалия – «faux lupina» (или cheilognathopalatoschisis) – «волчья пасть» – получила своё название метафорически, потому что при патологии происходит расщепление тканей твёрдого и мягкого нёба, при котором имеется сообщение между ротовой и носовой полостью [7, с. 250].

И хотя термин «lupus» был полисемантическим в Античности, поскольку, кроме основного значения «волк», объединял в себе целый ряд технических смыслов – «железная лапа; крюк, пила, ножовка», а также метафорические названия морских обитателей – рыбы-волка и одного из видов моллюска, – смысловая и логическая связь между разными значениями термина была понятна и легко объяснима. А вот полисемия термина женского рода вызвала наибольшее любопытство. Согласно латинско-русскому словарю И. Х. Дворецкого, термин «lupa» имеет два значения, которые широко применялись в Античности: «волчица» и «блудница» [2, с. 461]. Значение «волчица» встречается в трудах многих авторов: Тита Ливия, Горация, Плутарха и др. Значение «блудница» использовали в своих произведениях Катулл, Плавт, Луцилий и др. И тут возникает когнитивный диссонанс, и вот почему. Во-первых, волчица с древних времён является сакральным символом Рима, потому что именно она по легенде накормила своим молоком и пригрела будущих основателей города – братьев-близнецов Ромула и Рема; а, во-вторых, как так получилось, что священный символ государства оказался в семантической связке с представительницами древнейшей, но не самой почётной профессии?

Тит Ливий, римский историк, в первой книге своего труда «Ab urbe condita» («От основания города») пишет следующее: «...Но, как мне кажется, судьба предопределила и зарождение столь великого города, и основание власти, уступающей лишь могуществу богов. Весталка сделалась жертвой насилия и родила двойню, отцом же объявила Марса – то ли веря в это сама, то ли потому, что прегрешенье, виновник которому бог, – меньшее бесчестье. Однако ни боги, ни люди не защитили ни ее самое, ни ее потомство от царской жестокости. Жрица в оковах была отдана под стражу, детей царь приказал бросить в реку. Но Тибр как раз волей богов разлился, покрыв берега стоячими водами, – нигде нельзя было подойти к руслу реки, и тем, кто принес детей, оставалось надеяться, что младенцы утонут, хотя бы и в тихих водах. И вот, кое-как исполнив царское поручение, они оставляют детей в ближайшей заводи – там, где теперь Руминальская смоковница (раньше, говорят, она называлась Ромуловой). Пустынны и безлюдны были тогда эти места. Рассказывают, что, когда вода схлынула, оставив лоток с детьми на суше, волчица с соседних холмов, бежавшая к водопою, повернула на детский плач. Пригнувшись к младенцам, она дала им свои сосцы и была до того ласкова, что стала облизывать детей языком; так и нашел ее смотритель царских стад, звавшийся, по преданию, Фавстулом. Он принес детей к себе и передал на воспитание своей жене Ларенции. Иные считают, что Ларенция звалась среди пастухов «волчицей», потому что отдавалась любому, – отсюда и рассказ о чудесном спасении...» [6].

А Плутарх, древнегреческий писатель и философ римской эпохи, в «Избранных жизнеописаниях», приводя в тексте сначала историю про волчицу, вскормившую близнецов, повторяет версию о блуднице Ларенции, уже известной по повествованию Тита Ливия: «... Согласно же иному взгляду, в сторону чистой сказки повернула предание двусмысленность имени кормилицы. «Лупа» [lupa] по-латыни и самка волка, и женщина, занимающаяся ремеслом блудницы, но как раз такую женщиной и была жена Фаустула, по имени Акка Ларентия, выкормившая мальчиков. Римляне приносят ей жертвы, а в апреле жрец

Марса совершает в ее честь заупокойное возлияние, и праздник этот зовется Ларентами...» [5, с. 57].

Как видно из повествования античных авторов, и Тит Ливий, и Плутарх скептически относились к мифу о волчице, предлагая читателю и другую версию о блуднице Ларенции, вскормившей близнецов. Возможно, подобная двойственность толкования была политически обусловлена, поскольку легенда о кормилице основателей Рима, которая являлась женщиной лёгкого поведения, бросала тень на могущество и незыблемость великого государства. Поэтому народная история о кормилице-блуднице была заменена на более социально безопасную историю о волчице, тем более что это было одно и то же латинское слово «lupa». Но также возможно, что история о лупе-блуднице не очень скрывалась, – в изложении античных авторов не видно осуждения этого факта, что позволяет сделать вывод о терпимом отношении римлян к представительницам древнейшей профессии, учитывая, что в честь Ларенции был утверждён праздник.

Но если тексты Ливия и Плутарха явно показывают, что полисемантность термина «lupa» уже вносила игру смыслов в древнеримскую жизнь, то совсем не объясняют смысловую связку «волчица-блудница». Ответа на вопрос, каким образом в одном термине разные по смыслу значения «волчица» и «блудница» логически связаны, древние авторы не дают. Следовательно, в исследовании делается попытка объяснить эту связь.

На просторах интернета распространена неподтверждённая версия, что древние публичные женщины волчьим воём зазывали клиентов в лупанар. Лупанаром (lupanar, aris n или lupanarium, i n) назывался римский публичный дом, который обычно располагался в отдельном здании. Как можно догадаться, название «lupanar» происходит от термина «lupa». Слово встречается у Сенеки, Квинтилиана, а также комедиографа Плавта [2, с. 462]. Также в латыни существует однокоренной со словом «lupa» глагол lupor – «развратничать», встречающийся у поэта Луцилия [2, с.461]. Несмотря на достаточно терпимое отношение к публичным женщинам, римляне всё же не афишировали свои походы в

подобные заведения, да и сами заведения, говоря современным языком, не рекламировались, хотя найти дорогу в лупанар было несложно – фаллические символы, вырубленные в камне мостовой, указывали дорогу. Это подтверждают раскопки в Помпеях, где в своё время процветало множество лупанаров, куда тайные клиенты украдкой заходили через неприметную дверь. Если судить по строкам римского поэта Ювенала в его произведении «Сатиры», клиенты подобных заведений надвигали на голову капюшон, чтобы сохранить свою анонимность:

«...Ну, так взгляни же на равных богам, послушай, что было
С Клавдием: как он заснет, жена его, предпочитая
Ложу в дворце Палатина простую подстилку, хватала
Пару ночных с капюшоном плащей, и с одной лишь служанкой
Блудная эта Августа бежала от спящего мужа...» [8].

«...Respice riuales diuorum, Claudius audi
quae tulerit. dormire uirum cum senserat uxor,
sumere nocturnos meretrix Augusta cucullos
ausa Palatino et tegetem praeferre cubili
linquebat comite ancilla non amplius una...» [9].

Описывая похождения в лупанаре развратной Мессалины, жены Клавдия, Ювенал употребил словосочетание «nocturni cuculli», которое буквально переводится «ночные капюшоны», что указывает на попытку сохранить анонимность под капюшоном при ночном посещении лупанара.

Версия о том, что блудниц называли волчицами из-за завывания, которым они привлекали клиентов, не кажется убедительной.

Во-первых, волчий вой, на мой взгляд, способен скорее напугать, чем привлечь, во-вторых, сами заведения и их местоположение, как было сказано выше, не афишировались, а, в-третьих, никакие дошедшие до нас литературные источники не подтверждают подобного обычая.

Наиболее правдоподобное объяснение смысловой семантической связи «волчица-блудница» нашлось в греческом языке. Древнегреческое слово

λύκος – «волк» (в женском роде – λύκαινα) в переносном смысле обозначает алчного, ненасытного и хищного человека [1, с. 394]. Поэтому вполне возможно, что римские блудницы назывались волчицами из-за своей любви к деньгам, которые они буквально готовы были самым «хищным» образом вырвать из карманов клиента. А, возможно, здесь имеется ввиду их сексуальная алчность и ненасытность, которую приписывали им римляне.

Данную версию подтверждает смысл слова «волчица» в русском языке арго, которое обозначает привлекательную и вызывающе ведущую себя женщину, которая не упустит свою выгоду [3]. Переносное значение словосочетания «волчий аппетит» в русском языке также может указывать на непомерную жадность, алчность. Вероятно, именно поэтому патологическое явление булимии (от древнегреческих слов βούς – «бык» и λιμός – «голод»), выражающееся в переедании, в медицине иногда иносказательно называют волчьим голодом.

Другим семантически интересным термином является слово «pupilla, ae f»). В медицинской терминологии лексема имеет перевод «зрачок».

В анатомическом разделе «Oculus et structurae pertinentes» («Глаз и связанные с ним структуры») студенты встречаются термины: musculus dilatator pupillae (дилататор зрачка) и musculus sphincter pupillae (сфинктер зрачка) [4, с. 190].

Но если заглянуть в словарь И. Х. Дворецкого, то первое значение термина «pupilla» в классической латыни вызовет удивление, поскольку имеет перевод «девочка-сирота» [2, с. 637]. Это значение термина встречается, например, у Цицерона. Значение «зрачок» было также популярно у римских авторов, его употребляли Лукреций, Цельс, Плиний Старший [2, с. 637].

Термин «pupilla» является деминутивом к слову «пура», которое у Марциала переводится «девочка», а у Теренция – «кукла» [2, с. 637]. Опираясь на эти значения, можно сделать вывод, что уменьшительная форма «pupilla» может буквально переводиться «куколка» и «девчоночка, девчулечка». Сразу возникает вопрос, какая же смысловая связь объединяет значения «зрачок» и «девчоночка; куколка». Древнегреческий язык помог утвердиться во мнении, что данная семантическая связь закономерна, поскольку в словаре А.Д. Вейсмана тер-

мин «κόρη» также имеет двойной перевод – «девушка» и «зрачок», а римляне историческую связку значений калькировали у греков [1, с. 370].

Кроме того, в современном португальском языке встречается словосочетание «menina dos olhos», которое отражает полисемию практически идентичную древнегреческому термину «κόρη» и латинскому – «pupilla».

С одной стороны, выражение «menina dos olhos» обозначает молодую девушку (девочку), а, с другой стороны, может иметь значение «зрачок», либо в переносном смысле переводиться как «свет очей», «зеница ока» [11]. Также это выражение применяется в качестве ласкового и комплиментарного обращения к лицам женского пола – «милая», «дорогая», «красавица». Можно сделать вывод, что португальцы весьма галантно относятся к девушкам, раз в их языке прослеживается связь между значениями «девушка» и «свет очей», «зеница ока», поскольку в русском языке выражение «беречь как зеницу ока» передаёт очень бережное отношение к кому-либо или чему-либо. Зеница в русском языке обозначает зрачок, а око – глаз. Следовательно, беречь как зеницу ока – беречь как собственный глаз. Но это не даёт ответа на вопрос, почему у греков и римлян эти разные значения одного термина были связаны, ведь особо трепетного отношения к девушкам во времена Античности не наблюдалось. Уважение и любовь, возможно, но древние греки и римляне не ставили женщин настолько высоко, чтобы называть их «зеницей ока» в том смысле, который вкладывается в это выражение сейчас. Ответ на вопрос нашёлся в том же португальском выражении «menina dos olhos», если перевести его буквально – «девочка из глаз». Португальский предлог «de» имеет главное значение «из», а слияние предлога с артиклем «os» образует форму «dos». «Девочка из глаз» – это миниатюрное отражение человека в глазах собеседника. Поскольку португальский язык является романским, и, соответственно, семантическое наследство римлян нашло отражение в терминах, то полисемию латинского термина «pupilla» объясняется этим же явлением – римляне в глазах другого человека видели свою маленькую искажённую копию, которую называли куколкой (девчоночкой).

Кстати, в английском языке термин «*pupil*» также полисемантический и имеет ряд значений: «ученик/ученица», «воспитанник/воспитанница», «малолетний/малолетняя», «зрачок».

В классической латыни термин «*pupilla*» может заменяться лексемой «*pupula*», обладающей такими же значениями и являющейся такой же уменьшительной формой, хотя и с другим суффиксом, от слова «*pupa*». В значении «девчурка» термин «*pupula*» встречается у Апулея, а со значением «зрачок» используется у целого ряда авторов – Варрона, Цицерона, Горация и Овидия [2, с. 637]. Выражение «*defrictis pupulis*» (протирая глаза) применяет Апулей [2, с. 637].

Интересно, что в латыни есть слово мужского рода со значением «куколка». Это деминутив «*pupulus*» от латинского «*pupus, i m*» с переводом «мальчик» [2, с. 637].

Стоит отметить, что гуманитарное поле исследуемых терминов не ограничивается семантическим анализом. Например, со словом «*lupus*» употребляется известный афоризм – *lupus in fabula* – буквально: волк в басне, что в переносном значении переводится «лёгко на помине». Или выражение из комедии Плавта – *homo homini lupus est* (человек человеку волк), – ставшее крылатым.

Также нужно заметить, что рассмотренные термины нашли отражение в разных областях науки: например, термин «*pupa*» употребляется в биологии со значением «куколка как стадия развития насекомых», а в астрономии есть созвездие Волка с латинским названием «*Lupus*» и др.

Формирование гуманитарной культуры является важной составляющей любого учебного процесса, поскольку способствует высокому уровню развития личности. Целью высшего образования является не только обучение высококлассного специалиста в определённой области, но и воспитание высокоинтеллектуального, культурного, всесторонне развитого человека. Значение изучения иностранных языков, одним из которых является латинский, сложно переоценить.

Работа со словарями, анализ лексики, в том числе семантический, исследование разных сторон гуманитарного поля, связанного с определёнными терминами, способствуют воспитанию у студентов дисциплинированности, усердия; появлению творческой мотивации и развитию памяти. Семантический анализ лексики даёт возможность познания культуры через язык и расширению культурологических знаний. Семантический анализ терминов – творческий процесс, воспитывающий мыслящую личность: с одной стороны, индивид самосовершенствуется, развивая умственные способности и обогащая свой внутренний мир, а, с другой стороны, испытывает радость от самого процесса познания. Это помогает сочетать рациональность с эмоциональностью, что, несомненно, необходимо будущим медицинским специалистам.

Список литературы

1. Греческо-русский словарь / А.Д. Вейсман. – Репринт V-го издания 1899 г. – М.: Греко-лат. кабинет Ю.А. Шичалина, 2006. – 685 с.
2. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2002. – 846 с.
3. Елистратов В.С. Словарь русского арго / В.С. Елистратов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus-russian-argo.slovaronline.com/> (дата обращения: 24.09.2023).
4. Международная анатомическая терминология / под ред. Л.Л. Колесникова. – М.: Медицина, 2003. – 424 с.
5. Плутарх. Избранные жизнеописания / пер. с древнегр.; сост., вступ. ст., прим. М. Томашевский. – В 2 т. Т. I. – М.: Правда, 1986. – 592 с.
6. Тит Ливий. История Рима от основания города. – Т. I. – М.: Наука, 1989 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1364000100> (дата обращения: 24.09.2023).
7. Энциклопедический словарь медицинских терминов: около 60 000 терминов / гл. ред. Б.В. Петровский. – В 3 т. Т. 2. Кабана болезнь – Пяточный бугор. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 448 с.

8. Ювенал. Сатиры. Кн. II. Сатира VI / пер. Д.С. Недовича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ancientrome.ru/antlitr/juvenal/juvenal6.html> (дата обращения: 24.09.2023).

9. D. IVNI IVVENALIS SATVRA VI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thelatinlibrary.com/juvenal/6.shtml> (дата обращения: 24.09.2023).

10. Dr. med. Georgi D. Arnaudov. Terminologia medica polyglotta = Медицинская терминология на пяти языках: latinum, русский, english, français, deutsch / д-р, [засл. деят. науки] Георги Д. Арнаудов; пер. с болг. проф. В.В. Завьялова. – 4-е рус. изд., испр. – София: Медицина и физкультура, 1979. – XXIV, [2]. – 943 с.

11. Glosbe.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://glosbe.com/pt/ru/menina%20dos%20olhos> (дата обращения: 24.09.2023).